

РЭЙ БРЭДБЕРИ

451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ

Москва
2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Брэдбери, Рэй.

Б89 451 градус по Фаренгейту / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского Татьяны Шинкарь]. — Москва : Эксмо, 2024. — 176 с. — (Читаем по школьной программе).

ISBN 978-5-04-191327-4

Эта фантастическая история о времени, в котором книги сжигают, а не читают. И Гай Монтэг — профессиональный пожарник, уничтожающий в огне сотни достойней литературы. Верит ли герой, что его дело ради блага людей? Счастлив ли он, ежедневно заступая на службу? Сомнения возникают, когда оказывается, что существуют горожане, готовые защищать книги даже ценой собственной жизни.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ray Bradbury
FAHRENHEIT 451
Copyright © 1953 by Ray Bradbury

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

ISBN 978-5-04-191327-4

Предисловие к изданию романа «451 градус по Фаренгейту», 1966 год

С девяти лет и до подросткового возраста я проводил по крайней мере два дня в неделю в городской библиотеке в Уокигане (штат Иллинойс). А летними месяцами вряд ли был день, когда меня нельзя было найти там, прячущимся за полками, вдыхающим запах книг, словно заморских специй, пьянящим от них ещё до чтения.

Позже, молодым писателем, я обнаружил, что лучший способ вдохновиться — это пойти в библиотеку Лос-Анджелеса и бродить по ней, вытаскивая книги с полок, читать — строчку здесь, абзац там, выхватывая, пожирая, двигаться дальше и затем внезапно писать на первом попавшемся кусочке бумаги. Часто я стоял часами за столами-картотеками, царапая на этих клочках бумаги (их постоянно держали в библиотеке для записок исследователей), боясь прерваться и пойти домой, пока мной владело это возбуждение.

Тогда я ел, пил и спал с книгами — всех видов и размеров, цветов и стран. Это проявилось позже в том, что, когда Гитлер сжигал книги, я переживал это так же остро, как и, простите меня, когда он убивал людей, потому что за всю долгую историю человечества они были одной плоти. Разум ли, тело ли, кинутые в печь — это

грех, и я носил это в себе, проходя мимо бесчисленных дверей пожарных станций, похлопывая служебных собак, любуясь своим длинным отражением в латунных шестах, по которым пожарники съезжают вниз. И я часто проходил мимо пожарных станций, идя и возвращаясь из библиотеки, днями и ночами, в Иллинойсе, мальчиком.

Среди записок о моей жизни я обнаружил множество страниц с описанием красных машин и пожарных, грохочущих ботинками. И я вспоминаю одну ночь, когда я услышал пронзительный крик из комнаты в доме моей бабушки, я прибежал в ту комнату, распахнул дверь, чтобы заглянуть внутрь, и закричал сам.

Потому что там, карабкаясь по стене, находился светящийся монстр. Он рос у меня на глазах. Он издавал мощный ревуший звук, словно из печи, и казался фантастически живым, когда он питался обоями и пожирал потолок.

Это был, конечно, огонь. Но он казался ослепительным зверем, и я никогда не забуду его и то, как он завожжил меня, прежде чем мы убежали, чтобы наполнить ведро и убить его насмерть.

Наверное, эти воспоминания — о тысячах ночей в дружелюбной, тёплой, огромной темноте, с лужами зелёного света ламп, в библиотеках, и пожарных станциях, и злобном огне, посетившем наш дом собственной персоной, — соединившись позже со знанием о новых несгораемых материалах, послужили тому, чтобы «451 градус по Фаренгейту» вырос из записок в абзацы, из абзацев в повесть.

«451 градус по Фаренгейту» был полностью написан в здании библиотеки Лос-Анджелеса, на платной пишущей машинке, которой я был вынужден скормливать десять центов каждые полчаса. Я писал в комнате, полной студентов, которые не знали, что я там делал, точно так же как я не знал, что они там делали. Наверное, какой-то

другой писатель работал в этой комнате. Мне нравится так думать. Есть ли лучшее место для работы, нежели глубины библиотеки?

Но вот я уйду и передаю Вас в руки самого себя под именем Монтэг в другой год, с кошмаром, с книгой, зажатой в руке, и книгой, спрятанной в голове. Пожалуйста, пройдите с ним небольшой путь.

ОЧАГ И САЛАМАНДРА

Жечь было наслаждением. Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются. Медный наконечник брандспойта зажат в кулаках, громадный питон изрыгает на мир ядовитую струю керосина, кровь стучит в висках, а руки кажутся руками диковинного дирижёра, исполняющего симфонию огня и разрушения, превращая в пепел изорванные, обуглившиеся страницы истории. Символический шлем, украшенный цифрой 451, низко надвинут на лоб, глаза сверкают оранжевым пламенем при мысли о том, что должно сейчас произойти: он нажимает воспламенитель — и огонь жадно бросается на дом, окрашивая вечернее небо в багрово-жёлто-чёрные тона. Он шагает в рое огненно-красных светляков, и больше всего ему хочется сделать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве, — сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом, взлетают в огненном вихре, и чёрный от копоти ветер уносит их прочь.

Жёсткая улыбка застыла на лице Монтэга, улыбка-гри-маса, которая появляется на губах у человека, когда его вдруг опалит огнём, и он стремительно отпрянет назад от его жаркого прикосновения.

Он знал, что, вернувшись в пожарное депо, он, мещанстрель огня, взглянув в зеркало, дружески подмигнёт

своему обожжённому, измазанному сажей лицу. И позже в темноте, уже засыпая, он всё ещё будет чувствовать на губах застывшую судорожную улыбку. Она никогда не покидала его лица, никогда, сколько он себя помнит.

Он тщательно вытер и повесил на гвоздь чёрный блестящий шлем, аккуратно повесил рядом брезентовую куртку, с наслаждением вымылся под сильной струёй душа и, насвистывая, сунув руки в карманы, пересёк площадку верхнего этажа пожарной станции и скользнул в люк. В последнюю секунду, когда катастрофа уже казалась неизбежной, он выдернул руки из карманов, обхватил блестящий бронзовый шест и со скрипом затормозил за миг до того, как его ноги коснулись цементного пола нижнего этажа.

Выйдя на пустынную ночную улицу, он направился к метро. Бесшумный пневматический поезд поглотил его, пролетел, как челнок, по хорошо смазанной трубе подземного туннеля и вместе с сильной струёй тёплого воздуха выбросил на выложенный жёлтыми плитками эскалатор, ведущий на поверхность в одном из пригородов.

Насвистывая, Монтэг поднялся на эскалаторе навстречу ночной тишине. Не думая ни о чём, во всяком случае, ни о чём в особенности, он дошёл до поворота. Но ещё раньше, чем выйти на угол, он вдруг замедлил шаги, как будто ветер, налетев откуда-то, ударил ему в лицо или кто-то окликнул его по имени.

Уже несколько раз, приближаясь вечером к повороту, за которым освещённый звёздами тротуар вёл к его дому, он испытывал это странное чувство. Ему казалось, что за мгновение до того, как ему повернуть, за углом кто-то стоял. В воздухе была какая-то особая тишина, словно там, в двух шагах, кто-то притаился и ждал и лишь за секунду до его появления вдруг превратился в тень и пропустил его сквозь себя.

Может быть, его ноздри улавливали слабый аромат, может быть, кожей лица и рук он ощущал чуть заметное

повышение температуры вблизи того места, где стоял кто-то невидимый, согревая воздух своим теплом. Понять это было невозможно. Однако, завернув за угол, он всякий раз видел лишь белые плиты пустынного тротуара. Только однажды ему показалось, будто чья-то тень мелькнула через лужайку, но всё исчезло, прежде чем он смог взглядеться или произнести хоть слово.

Сегодня же у поворота он так замедлил шаги, что почти остановился. Мысленно он уже был за углом — и уловил слабый шорох. Чьё-то дыхание? Или движение воздуха, вызванное присутствием кого-то, кто очень тихо стоял и ждал?

Он завернул за угол.

По залитому лунным светом тротуару ветер гнал осенние листья, и казалось, что идущая навстречу девушка не переступает по плитам, а скользит над ними, подгоняемая ветром и листвой. Слегка нагнув голову, она смотрела, как носки её туфель задевают кружащуюся листву. Её тонкое матовой белизны лицо светилось ласковым, неутолимым любопытством. Оно выражало лёгкое удивление. Тёмные глаза так пытливо смотрели на мир, что, казалось, ничто не могло от них ускользнуть. На ней было белое платье, оно шелестело. Монтэгу чудилось, что он слышит каждое движение её рук в такт шагам, что он услышал даже тот легчайший, неуловимый для слуха звук — светлый трепет её лица, когда, подняв голову, она увидела вдруг, что лишь несколько шагов отделяют её от мужчины, стоящего посреди тротуара.

Ветви над их головами, шурша, роняли сухой дождь листьев. Девушка остановилась. Казалось, она готова была отпрянуть назад, но вместо того она пристально поглядела на Монтэга, и её тёмные, лучистые, живые глаза так просияли, как будто он сказал ей что-то необыкновенно хорошее. Но он знал, что его губы произнесли лишь простое приветствие. Потом, видя, что девушка, как замороженная, смотрит на изображение саламандры

на рукаве его тужурки и на диск с фениксом, приколотый к груди, он заговорил:

– Вы, очевидно, наша новая соседка?

– А вы, должно быть... — она наконец оторвала глаза от эмблем его профессии, — пожарник? — Голос её замер.

– Как вы странно это сказали.

– Я... я догадалась бы даже с закрытыми глазами, — тихо проговорила она.

– Запах керосина, да? Моя жена всегда на это жалуется. — Он засмеялся. — Дочиста его ни за что не отмоешь.

– Да. Не отмоешь, — промолвила она, и в голосе её прозвучал страх.

Монтэгу казалось, будто она кружится вокруг него, вертит его во все стороны, легонько встряхивает, выворачивает карманы, хотя она не двигалась с места.

– Запах керосина, — сказал он, чтобы прервать затянувшееся молчание. — А для меня он всё равно что духи.

– Неужели правда?

– Конечно. Почему бы и нет?

Она подумала, прежде чем ответить:

– Не знаю. — Потом она оглянулась назад, туда, где были их дома. — Можно я пойду с вами? Меня зовут Кларисса Маклееллан.

– Кларисса... А меня — Гай Монтэг. Ну что ж, идёте. А что вы тут делаете одна и так поздно? Сколько вам лет?

Тёплой ветреной ночью они шли по серебряному от луны тротуару, и Монтэгу чудилось, будто вокруг веет тончайшим ароматом свежих абрикосов и земляники. Он оглянулся и понял, что это невозможно — ведь на дворе осень.

Нет, ничего этого не было. Была только девушка, идущая рядом, и в лунном свете лицо её сияло, как снег. Он знал, что сейчас она обдумывает его вопросы, соображает, как лучше ответить на них.

– Ну вот, — сказала она, — мне семнадцать лет, и я помешанная. Мой дядя утверждает, что одно неизбежно

сопутствует другому. Он говорит: если спросят, сколько тебе лет, отвечай, что тебе семнадцать и что ты сумасшедшая. Хорошо гулять ночью, правда? Я люблю смотреть на вещи, вдыхать их запах, и бывает, что я брожу вот так всю ночь напролёт и встречаю восход солнца.

Некоторое время они шли молча. Потом она сказала задумчиво:

— Знаете, я совсем вас не боюсь.

— А почему вы должны меня бояться? — удивлённо спросил он.

— Многие боятся вас. Я хочу сказать, боятся пожарников. Но ведь вы, в конце концов, такой же человек...

В её глазах, как в двух блестящих капельках прозрачной воды, он увидел своё отражение, тёмное и крохотное, но до мельчайших подробностей точное — даже складки у рта, — как будто её глаза были двумя волшебными кусочками лилового янтаря, навеки заключившими в себе его образ. Её лицо, обращённое теперь к нему, казалось хрупким, матово-белым кристаллом, светящимся изнутри ровным, немеркнущим светом. То был не электрический свет, пронзительный и резкий, а странно успокаивающее, мягкое мерцание свечи. Как-то раз, когда он был ребёнком, погасло электричество, и его мать отыскала и зажгла последнюю свечу. Этот короткий час, пока горела свеча, был часом чудесных открытий: мир изменился, пространство перестало быть огромным и уютно сомкнулось вокруг них. Мать и сын сидели вдвоём, странно преображённые, искренне желая, чтобы электричество не включалось как можно дольше. Вдруг Кларисса сказала:

— Можно спросить вас?.. Вы давно работаете пожарником?

— С тех пор как мне исполнилось двадцать. Вот уже десять лет.

— А вы когда-нибудь читаете книги, которые сжигаете?

Он рассмеялся.

— Это карается законом.

— Да-а... Конечно.

— Это неплохая работа. В понедельник жечь книги Эдны Миллей, в среду — Уитмена, в пятницу — Фолкнера. Сжигать в пепел, затем сжечь даже пепел. Таков наш профессиональный девиз.

Они прошли ещё немного. Вдруг девушка спросила:

— Правда ли, что когда-то, давно, пожарники тушили пожары, а не разжигали их?

— Нет. Дома всегда были несгораемыми. Поверьте моему слову.

— Странно. Я слыхала, что было время, когда дома загорались сами собой, от какой-нибудь неосторожности. И тогда пожарники были нужны, чтобы тушить огонь.

Он рассмеялся. Девушка быстро вскинула на него глаза.

— Почему вы смеётесь?

— Не знаю. — Он снова засмеялся, но вдруг умолк. — А что?

— Вы смеётесь, хотя я не сказала ничего смешного. И вы на всё отвечаете сразу. Вы совсем не задумываетесь над тем, что я спросила.

Монтэг остановился.

— А вы и правда очень странная, — сказал он, разглядывая её. — У вас как будто совсем нет уважения к собеседнику!

— Я не хотела вас обидеть. Должно быть, я просто чересчур люблю приглядываться к людям.

— А это вам разве ничего не говорит? — Он легонько похлопал пальцами по цифре 451 на рукаве своей угольно-чёрной куртки.

— Говорит, — прошептала она, ускоряя шаги. — Скажите, вы когда-нибудь обращали внимание, как вон там, по бульварам, мчатся ракетные автомобили?

— Меняете тему разговора?

— Мне иногда кажется, что те, кто на них ездит, просто не знают, что такое трава или цветы. Они ведь никогда их не видят иначе, как на большой скорости, — продолжала она. — Покажите им зелёное пятно, и они скажут: ага, это трава! Покажите розовое — они скажут: а, это розарий! Белые пятна — дома, коричневые — коровы. Однажды мой дядя попробовал проехать по шоссе со скоростью не более сорока миль в час. Его арестовали и посадили на два дня в тюрьму. Смешно, правда? И грустно.

— Вы слишком много думаете, — заметил Монтэг, испытывая неловкость.

— Я редко смотрю телевизионные передачи, и не бываю на автомобильных гонках, и не хожу в парки развлечений. Вот у меня и остаётся время для всяких сумасбродных мыслей. Вы видели на шоссе за городом рекламные щиты? Сейчас они длиною в двести футов. А знаете ли вы, что когда-то они были длиною всего в двадцать футов? Но теперь автомобили несутся по дорогам с такой скоростью, что рекламы пришлось удлинить, а то бы никто их и прочитывать не смог.

— Нет, я этого не знал! — Монтэг коротко рассмеялся.

— А я ещё кое-что знаю, чего вы, наверно, не знаете. По утрам на траве лежит роса.

Он попытался вспомнить, знал ли он это когда-нибудь, но так и не смог и вдруг почувствовал раздражение.

— А если посмотреть туда, — она кивнула на небо, — то можно увидеть человечка на луне.

Но ему уже давно не случалось глядеть на небо...

Дальше они шли молча, она — задумавшись, он — досаду и чувствуя неловкость, по временам бросая на неё укоризненные взгляды.

Они подошли к её дому. Все окна были ярко освещены.

— Что здесь происходит? — Монтэгу никогда ещё не приходилось видеть такое освещение в жилом доме.

— Да ничего. Просто мама, отец и дядя сидят вместе и разговаривают. Сейчас это редкость, всё равно как ходить пешком. Говорила я вам, что дядю ещё раз арестовали? Да, за то, что он шёл пешком. О, мы очень странные люди.

— Но о чём же вы разговариваете?

Девушка засмеялась.

— Спокойной ночи! — сказала она и повернула к дому. Но вдруг остановилась, словно что-то вспомнив, опять подошла к нему и с удивлением и любопытством взглядела в его лицо.

— Вы счастливы? — спросила она.

— Что? — воскликнул Монтэг.

Но девушки перед ним уже не было — она бежала прочь по залитой лунным светом дорожке. В доме тихо затворилась дверь.

— Счастлив ли я? Что за вздор!

Монтэг перестал смеяться. Он сунул руку в специальную скважину во входной двери своего дома. В ответ на прикосновение его пальцев дверь открылась.

— Конечно, я счастлив. Как же иначе? А она что думает — что я несчастлив? — спрашивал он у пустых комнат. В передней взор его упал на вентиляционную решётку. И вдруг он вспомнил, что там спрятано. Оно как будто поглядело на него оттуда. И он быстро отвёл глаза.

Какая странная ночь, и какая странная встреча! Такого с ним ещё не случалось. Разве только тогда в парке, год назад, когда он встретился со стариком и они разговорились...

Монтэг тряхнул головой. Он взглянул на пустую стену перед собой, и тотчас на ней возникло лицо девушки — такое, каким оно сохранилось в его памяти, — прекрасное, даже больше, удивительное. Это тонкое лицо напоминало циферблат небольших часов, слабо светящийся в тёмной комнате, когда, проснувшись среди ночи, хочешь узнать время и видишь, что стрелки точно показывают час, минуту